

ЛѢСНОЙ ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

ЛѢСНЫМЪ ОБЩЕСТВОМЪ ВЪ ПЕТРОГРАДѢ.

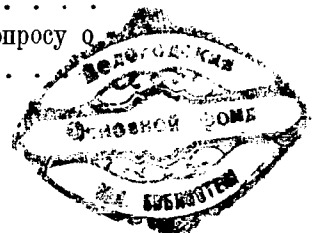
XLV-й годъ изданія. Вып. 6—7.

1915 г.

СО Д Е Р Ж А Н И Е:

СТРАН.

- I. Насажденіе кедра. Фотографія *А. М. Королева*
- II. Воззваніе особой комиссіи, находящейся подъ предѣдательствомъ Великой княгини *КСЕНИИ АЛЕКСАНДРОВНЫ*, по призрѣнію пострадавшихъ за время войны лицъ
- III. *Г. Ѡ. Морозовъ*. Некрологъ проф. *П. С. Коссовича*
- IV. *Лавръ Яновскій* Типологическій очеркъ Черкаскаго бора. (Съ 2. черт. и 1 картой) 979
- V. Лѣсничій *Егоровъ*. О будущности лѣсовъ Архангельской губерніи въ связи съ существующими приѣмами лѣсного хозяйства 1008
- VI. *Е. Роддъ*. Шахматныя рубки 1026
- VII. *И. Андреевъ*. О борьбѣ съ майскимъ жукомъ
- VIII. *С. Квятковскій*. Пожарныя наблюдательныя вышки и своевременное опредѣленіе мѣста лѣсного пожара при помощи „пожарныхъ столовъ“. (Съ 8-ью черт.)
- IX. *А. Углицкихъ*. Паденіе бонитета сосновыхъ насажденій послѣ пожаровъ
- X. Лѣсничій *Л. Дилло*. Нѣсколько словъ къ вопросу о составленіи массовыхъ и сортиментныхъ таблицъ для лѣсовъ Алтайскаго Округа
- XI. *Б. Гузовскій*. Съѣздъ-Экспурсія лѣсничихъ Казанской губерніи 18, 19 и 20 іюня 1911 г. 1064
- XII. *Ѡ. П. Симонъ*. *Hylobius abietis* и мѣры борьбы съ нимъ, по наблюденіямъ 1913—14 г. въ Орловской губерніи
- XIII. *А. Ф. Налетовъ*. Маленькая хроника къ вопросу о лѣсномъ внѣшкольномъ образованіи

XIV. А. Витрихъ. Охота и промыселъ въ лѣсахъ нашего сѣвера	
XV. Отъ Казначей Лѣсного Общества въ Петроградѣ . . .	1111
XVI. Библиографія	1113
<i>Рейнеръ.</i> „Случай особенно тѣснаго симбіоза зеленого растенія съ грибомъ“— <i>Мас gregor Skene.</i> Кислотность торфяного мха и его отношеніе къ углекислому кальцію и другимъ минеральнымъ солямъ. <i>Э. Кернъ.</i> Лѣсной рынокъ Бельгіи и Голландіи. <i>В. Фаасъ.</i> Лѣса и лѣсная торговля Италіи. <i>Фаасъ и Роеръ.</i> Лѣса и лѣсная торговля Австро-Венгрія.	
XVII. Письма въ редакцію	1140
Отъ редактора (1140).—Краткія свѣдѣнія о лѣсохозяйственныхъ курсахъ (1140).—Положеніе о вышихъ сельско-хозяйственныхъ курсахъ Саратовскаго Общества Сельскаго Хозяйства (1141).—Положеніе о Метеорологическихъ Сѣздахъ, утвержденное Комитетомъ Николаевской Главной Физической Обсерваторіи въ засѣданіи 31-го мая 1914 года (1144).—Списокъ предполагаемыхъ секцій Третьяго Метеорологическаго Сѣзда (114).—Отъ Сѣвернаго Сельскохозяйственнаго Общества (1148).—Нужна помощь! (1151).—О лѣсныхъ библіотекахъ въ казенныхъ лѣспичествахъ (1152).—Отъ Лѣсного Торговаго Дома „Ст. Пржедпелскій и Ѳ. Антоневичъ“ (1153).—Объявленіе о конкурсѣ на кафедру Почвовѣдѣнія (1155).—Отъ Редакціи „Извѣстій Центрального Военно-Промышленнаго Комитета (1156).	
XVIII. Объявленія.	1157

XVI. Охота и промыселъ въ лѣсахъ нашего сѣвера.

Лѣса Архангельской и Вологодской губерніи, представляющіе огромную площадь въ 60 милліоновъ десятинъ, являются, какъ извѣстно, ареной весьма развитой промысловой охоты, которою въ болѣе отдаленныхъ уѣздахъ, какъ Мезенскій, Печерскій, Яренскій и Устьсысольскій, существуетъ чуть не половина мужского населенія. Къ сожалѣнію, нужно признать, что до сихъ поръ вопросы о размѣрахъ охотничьяго промысла, о числѣ лицъ, имъ занимающихся и, наконецъ, вопросы доходности его для мѣстнаго населенія не разсматривались сколько-нибудь серьезно. Статистикой этой отрасли народнаго хозяйства сѣвера не занимались и, насколько мнѣ извѣстно, до сихъ поръ не было сдѣлано никакихъ попытокъ къ болѣе рациональной постановкѣ охотничьяго промысла на сѣверѣ. А между тѣмъ, рано или поздно, охотничье хозяйство нашего сѣвера должно быть упорядочено, такъ какъ въ современномъ видѣ оно не можетъ быть долѣе терпимо, въ виду сильнаго исчезновенія дичи, истребляемой повсемѣстно всякими способами и во всякое время.

Будучи самъ страстнымъ охотникомъ и постоянно сталкиваясь, въ силу своей профессіи, съ мѣстными промышленниками, какъ во время таксаціонныхъ работъ въ лѣсу, такъ и въ часы досуга, я не могу равнодушно вспоминать рассказы объ охотничьихъ доблестяхъ нашихъ промышленниковъ, о ихъ мастерствѣ и умѣнїи выслѣживать, добывать и истреблять птицу и звѣря. По нѣкоторымъ даннымъ, правда, далеко не точнымъ, въ одной только Архангельской губерніи лѣсной охотой занимаются до 15—20 тысячъ человекъ, причемъ ежегодная добыча ихъ оцѣнивается приблизительно въ 300.000 руб.

Объ эти цифры, однако, сами по себѣ ничего не говорятъ и не даютъ еще никакого представленія объ истинномъ положеніи дѣла; лѣснымъ дѣятелямъ сѣвера вѣдѣть, безъ исключенія, извѣстно, что, кромѣ заправскихъ промышленниковъ, охотю, или вѣрнѣе ловлю

дичи занимается и неохотничье населеніе края, какъ, напримѣръ, старики, подростки и женщины.

Сколько паръ рябчика, глухаря и тетерева вылавливается въ годъ этими хищниками, сказать, конечно, совершенно нельзя, какъ нельзя и отвѣтить, хотя бы съ нѣкоторымъ приближеніемъ, на вопросъ о томъ, какое количество промысловой птицы попадаетъ въ засоль тому или иному семейству зырянъ, или, наконецъ, сколько пеструхъ съѣдается въ самоѣдскомъ чумѣ, обитатели котораго круглый годъ питаются мясомъ, т. е. олениной и птицей. Впрочемъ понятно, что, если изъ предѣловъ Архангельской губерніи ежегодно вывозятъ до 100.000 паръ рябчиковъ, то эта величина не является еще мѣриломъ, фактически убываемаго количества этой птицы за этотъ же періодъ времени.

При учетѣ общей суммы, добываемой въ губерніи дичи, необходимо имѣть въ виду, кромѣ рынка, — домашнее потребление ея самими промышленниками и ихъ семействами. Къ двумъ вышеприведеннымъ слагаемымъ необходимо сверхъ того прибавить всю ту дичь, которая пропадаетъ отъ подстрѣла, пораненій или же отъ оплошности ловцовъ, забывающихъ свою добычу въ силъяхъ, слопцахъ и т. под. орудіяхъ пытки.

Число слопцовъ, ловушекъ и силъевъ въ нѣкоторыхъ лѣсничествахъ сѣвера такъ велико, что сами промышленники не въ состояніи обходить или повѣрять ихъ. Много ловушекъ остается настороженными даже послѣ окончанія промысловаго сезона.

Пишущему эти строки самому приходилось находить въ ловушкахъ полусгнившихъ птицъ или наталкиваться на остатки трапезы лисицы или росомахи, охотно слѣдующихъ по путику или тропѣ охотника.

Одинъ старый промышленникъ Печорскаго края передавалъ мнѣ, что половину его улова поѣдалъ медвѣдь, котораго ему никакъ не удавалось перехитрить и который, съ методической точностью, обходилъ настороженные слопцы охотника.

Исключительно промысловымъ населеніемъ нашего сѣвера въ настоящее время надо признать инородцевъ: самоѣдовъ, кочующихъ по тундрамъ и лѣсамъ Онеги, Мезени, Пинепи, Печоры и, отчасти, Сѣверной Двины, лопарей Кольскаго полуострова и, наконецъ, зырянъ, населяющихъ Верхне-Вычегодскій, Ижемскій, Сясьскій, Удорскій и Печорскій края, Вологодской губерніи.

Въ значительно меньшей степени охотниками оказываются карелы, населяющіе сѣверо-западную, озерную, часть Архангельской

губерніи, отъ границъ Кандалашскаго залива и поморскихъ селеній до предѣловъ Финляндіи. Русское населеніе, ослѣвшее по теченію главнѣйшихъ рѣкъ нашего сѣвера, является охотничьимъ лишь отчасти, занимаясь промысломъ, какъ подспорьемъ въ опредѣленное время года, причѣмъ на промыселъ выходитъ далеко не все мужское населеніе. Изъ русскихъ промышленниковъ сѣвера наиболѣе опытными и энергичными я считаю Уфтюзанъ и Пинегжанъ, Вологодской и Архангельской губерній, а также Онежцевъ и Мезенцевъ.

Инородцы—самоѣды и зыряне—являются охотниками раг excellence. Охота была самымъ древнимъ ихъ промысломъ. Пушнину брали дань съ зырянъ московскіе князья; пушнина является ихъ мѣриломъ цѣнности въ далекомъ прошломъ и даже до сихъ поръ зырянское слово «уръ», т. е. бѣлка, въ глухихъ районахъ Устьсысольскаго края, оказывается синонимомъ копейки.

Клавдій Поповъ, въ своей книгѣ «Зыряне и зырянскій край» говорить: «Зырянинъ охотникъ по природѣ, и, конечно, ни въ чемъ другомъ не выражаются такъ его племенные инстинкты, какъ въ охотѣ: это его исторія и поэзія. Если бы нужно было писать исторію зырянъ, то надобно бы было писать исторію ихъ охоты; если бы кто хотѣлъ изучать ихъ поэзію, то долженъ бы былъ познакомиться прежде всего съ ихъ охотничьими разсказами».

Я же добавлю отъ себя, что тоже самое справедливо и по отношенію къ самоѣдамъ. Это племя, въ моихъ глазахъ, даетъ лучшихъ знатоковъ лѣса и тундры, лучшихъ наблюдателей природы, одаренныхъ, въ силу постояннаго общенія съ нею, почти сверхъестественнымъ чутьемъ во всемъ, что касается умѣнія выслѣдить и взять намѣченную добычу. Къ этимъ способамъ надо прибавить, что самоѣды всѣ безъ исключенія отличные стрѣлки, владѣющіе мастерски винтовкой, чуть ли не съ отроческихъ лѣтъ, чего никакъ нельзя сказать о зырянахъ, вооруженныхъ до сихъ поръ кремневыми, изъ которыхъ большинство гладкоствольны.

На сѣверѣ, обыкновенно, наблюдаются два періода лѣсованья: осенній и весенній. Первый начинается, какъ говорятъ Уфтюзанъ, на утро отъ Богородицына дня, т. е. 9 Сентября, или нѣсколько позже—съ наступленіемъ первыхъ заморозковъ и продолжается до зимняго Николая или до средины Декабря, когда промышленники выходятъ изъ лѣса для продажи добытой дичи и пушнины скупщикамъ, объѣзжающимъ въ это время крупныя селенія *). Второй періодъ—весенній, на-

*) Никольская Ярмарка въ с. Пинегѣ, Ярмарки въ с. Небдинѣ на Вычегдѣ и т. д.

чинается въ концѣ Января или въ началѣ Февраля и продолжается по Кл. Попову, Арсеньеву и Булакову до наступленія тепла, когда убитая птица начинаетъ портиться и зимній путь становится невозможнымъ. Впрочемъ, наиболѣе ярые охотники, а самоѣды почти поголовно, остаются въ лѣсу и на время глухаринныхъ тобовъ; въ этотъ періодъ, продолжающійся съ первыхъ чиселъ Апрѣля до 15 Мая, нѣкоторые стрѣлки ухитряются убивать по 50—80 чухарей на ружье.

Охотничьи угодья сѣвера испоконъ вѣковъ раздѣлены между отдѣльными обществами на цѣлый рядъ районовъ, являющихся какъ бы неотъемлемою собственностью общества, рода или, наконецъ, той или иной семьи. Право охоты соблюдается строго, и производство ея въ чужихъ угодьяхъ считается недозволительнымъ.—Такъ, напр. жители р. Устюга охотятся въ Праводвинскій дачѣ, Устюгскаго Л-ва, до верховьевъ рѣки Пинеги и не пускаютъ въ свои угодья Пинежанъ, которые промышляютъ уже въ предѣлахъ Верхкольскаго и др. Лѣсничествъ. Удорскіе Зыряне не ходятъ на Печору, гдѣ право охоты принадлежитъ Ижемцамъ и Печорцамъ и т. д.

Владѣлецъ охотничьяго района имѣетъ въ центрѣ его одну или нѣсколько избушекъ (кызанъ или верь-керка) съ амбаромъ или шамьей, куда складывается необходимый провіантъ, подвозимый осенью на лодкахъ «стружкахъ»—«пыжъ» или зимою на нартахъ. Промысловыя избушки разбросаны по всей охотничьей территоріи, по всему лѣсу, но обыкновенно не ближе 15—20 верстъ одна отъ другой. Обычай запрещаетъ строить «керку» ближе двухъ или трехъ «чомкостовъ» отъ уже существующей и дѣйствующей избушки *). Чомкость же, по объясненію зырянъ, представляетъ собою разстояніе между «чомами» или балаганами, крытыми берестой. По р. Нему и на р. Вычегдѣ чомкость равна 5 верстамъ, по Имжѣ она уже достигаетъ 8 верстъ, на Печорѣ 15 и больше **).

Охотничьи избушки крайне незатѣливы; построены онѣ изъ довольно тонкаго лѣса и покрыты на одинъ скатъ досками. Въ одномъ углу сложенъ камелекъ изъ валуновъ или плитняка, въ стѣнѣ остается отверстіе для выхода дыма. У одной стѣны устраиваются низкія нары. Въ рѣдкихъ случаяхъ настиляется полъ.

Передъ ночевкой избушка сильно топится и заполняется ѣдкимъ, медленно колышавшимся дымомъ, который не позволяетъ обитателямъ избушки выпрямиться во весь ростъ.

Въ избушкѣ приходится сидѣть на полу или же лежать. Благо-

*) Есть избушки нежилыя, заброшенныя.

***) Кл. Поповъ «Зыряне и Зырянскій Край».

даря вышеуказанному способу тонки стѣны и потолокъ «керки» покрыты толстымъ слоемъ сажки.

Амбаръ или шамья своимъ внѣшнимъ видомъ напоминаетъ голубятню. Она ставится нерѣдко на одномъ столбѣ, подтесанномъ въ видѣ конуса и является хранилищемъ провизіи отъ непогоды, мышей, розсомахи и прочихъ хищниковъ. Отъ охотничьей избушки во всѣ стороны, идутъ путики или тропы, которые нерѣдко распознаются лишь по тесамъ, наложеннымъ на отдѣльныхъ деревьяхъ. По этимъ тропамъ охотники разставляютъ свои слопцы, пасти или плахи для глухарей и тетеревей, петли или силья для рябчиковъ, капканы для выдры, горностая и т. под. У нѣкоторыхъ охотниковъ имѣется до 400—500 петель для рябчиковъ съ приманкою изъ ягодъ рябины или жалины. Число слопцовъ одного охотника достигаетъ нерѣдко 150—200 и даже болѣе. Рябчиковые силья располагаются, преимущественно, вблизи ручьевъ, въ логовыхъ пространствахъ, т. е. въ ельникахъ съ примѣсю лиственныхъ породъ и подлѣска. Въ этихъ мѣстахъ болѣе всего любятъ держаться рябчикъ и здѣсь его можно встрѣтить въ любое время года, такъ какъ въ логахъ и отчасти въ темныхъ суборахъ (борахъ съ елью) и непрѣменно близко къ водѣ, проходитъ для него кратковременная весна, когда рябокъ летитъ на любовный призывъ своей подруги; въ чащѣ логовъ и еловыхъ ровнядей выращивается лѣтомъ потомство и, наконецъ, въ ельникахъ (холмахъ и холмовыхъ ровнядяхъ) выводокъ жируетъ на ягодахъ до осени, до первыхъ заморозковъ, когда настаетъ пора разбиться на пары и перебираться въ березовыя гари и прирѣчные ольшатники съ болѣе рыхлымъ снѣжнымъ покровомъ и обильною пищею въ видѣ березовой почки и ягоды можжевельника.

Слопцы на такъ наз. крупную птицу, т. е. на глухаря и тетерева, ставятся преимущественно по суходоламъ: на борахъ или на веретьяхъ, выдающихся гривами и округлыми куртинами среди обширныхъ, моховниковъ sphadnetum'овъ. Въ эти мѣста къ осени слетается крупная лѣсная птица, ибо здѣсь созрѣваетъ къ августу брусника, столь любимая чухарями, и здѣсь же лѣсныя куры имѣютъ возможность копать въ песокъ, не подозрѣвая, что этою страстью ихъ пользуется ловець промышленникъ, часто подготовляющій имъ искусственную песчаную ванну подъ орудіемъ смерти. Глухариный слепецъ-давушка состоитъ изъ воротецъ, надъ которыми насторожена плашка изъ грубыхъ досокъ въ 1—2 вершка толщиною. Плашка скрѣпляется березовыми или еловыми вицами съ упругимъ рычагомъ, освобождающимъ ее въ тотъ моментъ, когда доврѣчивая птица за-

ходить въ воротца и задѣваетъ за насторожку. Для обезначенія захода глухаря въ воротца, по бокамъ ловушки наваливается хворость и еловая вѣтви.

Нужно замѣтить, что на слошцы уходитъ не малое количество лѣса, въ особенности на тяжелыя плахи, составляемыя нерѣдко изъ двухъ грубо вытесанныхъ сосновыхъ досокъ, длиною до 2-хъ аршинъ, соединяемыхъ шпонкою. Но еще больший вредъ для лѣса представляеть, какъ это ни странно, установка рябчиковыхъ силевъ и охота на бѣлку. Дѣло въ томъ, что самый силокъ, т. е. петля изъ конскаго волоса или проволоки, укрѣпляется въ кольцо, свиваемомъ изъ вѣтокъ тонкой еловой жерди, подвѣшиваемой въ видѣ воротъ-перекладины между двумя, рядомъ стоящими, елями. Всего чаще еловая жердь съ кольцомъ и петлею ущемляется концами въ зарубъ между двухъ рядомъ стоящихъ—сырораствующихъ елей. Постоянные подрубы, и поврежденія, къ которымъ ель необыкновенно чутка, конечно, ведутъ къ порчѣ и усыханію цѣлаго ряда хорошихъ стволовъ и несомнѣнному размноженію короѣда.

Охота на бѣлку также вредитъ лѣсу. Въ рыхлой и свѣтлой кронѣ сосны бѣлка легко можетъ быть выслѣжена и убита изъ подъ лая учуявшей ее собаки. Иное дѣло въ еловомъ лѣсу, гдѣ темныя и мощныя кроны надежно прячуть звѣрька и тѣмъ доставляютъ охотнику не мало хлопотъ. Чтобы узрѣть затаившуюся добычу, промышленникъ стучитъ обухомъ топора по толстому стволу дерева, а нерѣдко и валить его.

Итакъ, промысловая дѣятельность сѣвернаго охотника сводится главнымъ образомъ къ ловлѣ птицы. Подавляющая масса рябчика, тетерева и глухаря не стрѣляется промышленниками, а именно вылавливается. Такъ, изъ осмотрѣнныхъ Л. Рума 215 рябчиковъ только 61 шт., или 28% носили ясныя слѣды огнестрѣльной раны. *).

На осеннее лѣсованіе сѣверные промышленники предпочитаютъ ходить въ одиночку, хотя мною встрѣчались иногда и артели въ 2—3 человекъ. Везя грузъ на лодкѣ, при обиліи рѣкъ и рѣчекъ на нашемъ сѣверѣ, охотники имѣютъ полную возможность удобно и сравнительно быстро доставить весь свой несложный инвентаръ и провіантъ, вѣсящій отъ 8 до 12 пудовъ, къ центру своей охотничьей дѣятельности «кызань-керкѣ». Если избушка отстоитъ отъ рѣки на нѣкоторомъ разстояніи, то весь скарбъ подносится въ

*) См. Л. Рума Къ вопросу о колонизаціонной пригодности Лѣтскаго и Ношульскаго Л-ва, стран. 153.

избушку на т. наз. жрошняхъ, сплетаемыхъ изъ вѣтокъ и прутьевъ черемухи и надѣваемыхъ на спину при помощи лямокъ, шитыхъ изъ нѣсколькихъ полосъ бересты.

Пища охотника заключается обыкновенно въ ржаныхъ сухаряхъ, сухихъ лепешкахъ и пирогахъ съ ячневой крупой; варится сушеная или соленая рыба: пикшуй, сайда или треска; пекутся нерѣдко блины изъ ячневой муки, притотовляется пшенная каша и т. под. Питьемъ служитъ неизмѣнный чай.

Раннимъ утромъ промышленникъ выходитъ на промыселъ, вооруженный ружьемъ и сопутствуемый лайкой, далеко уходящей отъ хозяина и подлаивающей тронутую съ земли и перемѣстившуюся на лѣсъ птицу. На лай стрѣляютъ большею частью пеструхъ, тетёръ, или «копшалъ», т. е. самокъ глухаря (по зырянски «дозмеръ»), а также маракушекъ, или палюхъ, т. е. самокъ тетерева (по зырянски венъ-гаръ). Самцы глухарей и тетеревей держатъ лай значительно хуже и потому рѣже добываются на ружье. *).

Поднимая птицу съ земли, промысловая собака во весь опоръ бросается за нею, слѣдя за ея полетомъ и прислушиваясь къ шуму, производимому дичью во время осадки ея на дерево. Подбѣгая къ посаженной птицѣ, собака непрерывно облаиваетъ ее, терпѣливо выжидая того момента, когда, крадущійся съ хвоста птицы, хозяинъ не спуститъ ее выстрѣломъ малокалиберной дробовки, или винтовки—воскодуля. Благодаря несовершенству ружей, въ особенности у зырянъ, дѣло не обходится при этомъ безъ курьезовъ, вродѣ цѣлаго ряда обѣчекъ и затяжныхъ выстрѣловъ, сопровождаемыхъ смѣною пистона, оправкою кремня, подсыпкою пороха на полу и т. д.

Убитая птица кладется въ заплечный мѣшокъ лузана, или же въ кису изъ нерпы. Болѣе опытные охотники отлично распознаютъ по лаю, съ чѣмъ имъ приходится имѣть дѣло, ибо собака лаетъ на бѣлку и куницу иначе, чѣмъ на птицу, а при встрѣчѣ со звѣремъ обнаруживаетъ особыя повадки, позволяющія стрѣлку заблаговременно опуститъ на дробовой зарядъ болѣе надежную пулю.

Рябчикъ боится собаки, а поэтому, при охотѣ за нимъ, промышленники выходятъ обыкновенно безъ собакъ и стрѣляютъ эту дичь, или на манокъ, или же прямо съ подхода.

Наибольшее промысловое значеніе, конечно, имѣютъ рябчикъ

*) Истребленіе самокъ, также ведетъ къ быстрому уничтоженію дичи.

и бѣлка, остальная пушнина и птица имѣеть уже болѣе второстепенное значеніе.

Въ Зырянскомъ Краѣ замѣчаются двѣ разновидности рябчика: болѣе мелкій — «сысольскій» и болѣе крупный — «уральскій». — Перваго идетъ на возъ 500 паръ, второго около 400. Какую роль здѣсь играютъ видовыя различія, сказать, конечно, нельзя, но, во всякомъ случаѣ, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что на сѣверѣ мы имѣемъ дѣло съ двумя видами рябчика: — съ сѣрымъ рябчикомъ, болѣе мелкимъ, и болѣе широко распространеннымъ на сѣверо-западѣ, а также въ Поморьѣ и на Кольскомъ полуостровѣ, и съ темноцвѣтнымъ рябчикомъ, впервые описаннымъ проф. Мензбиромъ подъ именемъ *Вопаса griseiventris*. Область распространенія послѣдняго, повидимому, лежитъ на востокъ отъ Сѣверной Двины. По крайней мѣрѣ, я не встрѣчалъ этого вида въ западной части Архангельской губ., и, наоборотъ, довольно часто наблюдалъ его на Печорѣ и ея притокахъ въ предѣлахъ Вологодской губерніи. Добычливость охоты на рябчика бываетъ весьма различна въ зависимости отъ мѣстности, отъ наличности кормовъ, отъ состоянія погоды и, наконецъ, отъ обилія дичи, которая по отдѣльнымъ годамъ сильно колеблется. Насколько добычливость промысла мѣняется по годамъ, видно по слѣдующимъ даннымъ: въ 1909 г., изъ предѣловъ Березонаволоцкой волости, Сольвычегодскаго уѣзда, было вывезено ряба 30 возовъ, т. е. до 20,000 штукъ.

Въ слѣдующемъ 1910 году, добыча ихъ едва равнялась 3 возамъ, или, 2,500 шт. и вышедшіе въ лѣсъ промышленники, по прошествіи двухъ недѣль охоты, вернулись домой съ пустыми руками.

Тѣ же колебанія даетъ охота на бѣлку, которую на сѣверѣ бьютъ нѣсколько позже ряба, когда проворный грызунъ успѣлъ, какъ говорятъ охотники, «выкунѣть», т. е. перемѣнить окраску.

Производитель статистическихъ работъ Устьсысольскаго земства передаетъ со словъ одного охотника, изъ дер. Вомынъ-Божь, (Помоздинской волости), что этимъ лицомъ было убито:

за зиму 1899—1900 г.	650 шт. бѣлонъ
» » 1900—1901 г.	100 » »
» » 1901—1902 г.	146 » »

Періодическія колебанія въ богатствѣ промысловой фауны зависятъ, насколько я могъ наблюдать, отъ переселенія птицы, отъ ея періодическихъ странствованій. Чѣмъ вызывается такое явленіе, есть ли оно результатъ унаслѣдованной привычки, или же оно обусловлено недостаткомъ кормовъ въ одномъ мѣстѣ и обиліемъ ихъ

въ другомъ—сказать весьма трудно. Во всякомъ случаѣ, каждый промышленникъ нашего сѣвера, да и Сибири подтвердить этотъ весьма интересный фактъ.

Въ Сибири, напр., остяки давно подмѣтили, что, когда птица съ осени перемѣщается на сѣверъ, то ея будетъ очень много зимою, и промыселъ окажется удачнымъ. Если же птица и бѣлка съ осени уйдутъ къ югу, то возвращенія ихъ въ тотъ же годъ ожидать нечего. Оно и понятно, т. е. суровые вѣтры и морозы сѣвера выживаютъ птицу и звѣря даже въ томъ случаѣ, если имъ уготована самая обильная поживка. Наоборотъ, мягкая зима болѣе умѣренныхъ широтъ заставляеть мириться даже съ менѣе благоприятными условіями питанія.

Въ 1913 году въ лѣсахъ Лайскаго, Озерскаго, Ненокскаго, Архангельскаго и др. Л-въ Архангельскаго уѣзда, наблюдалось обильное появленіе дичи. Архангельскіе охотники, спортсмены и любители стрѣляли въ одну охоту до 10—20 шт. бѣлыхъ куропатокъ на ружье.

Мнѣ лично пришлось взять въ Неноксѣ за одинъ лишь день 22 августа, 23 штуки глухарей, тетеревей и бѣлыхъ куропатокъ, причемъ одинъ глухарь былъ убитъ мною изъ дверей промысловой избушки, въ которой мнѣ пришлось ночевать. Раннимъ утромъ, къ избушкѣ слетѣлась цѣлая стая молодыхъ глухарей, въ количествѣ не менѣе 8 штукъ и, стрѣляя я изъ дробовки, а не изъ винтовки, я бы могъ положить ихъ нѣсколько съ одного выстрѣла, что мнѣ долгое время спустя все выговаривалъ мой спутникъ-объѣзчикъ Коковинъ.

Въ 1914 году весною, въ лѣсахъ подъ г. Архангельскомъ наблюдалось обиліе лѣсной птицы; благоприятная погода, казалось, сулила промышленникамъ богатый уловъ ея осенью, но съ первыхъ чиселъ августа, дичь стала перемѣщаться въ юго-западномъ направленіи и уловъ оказался не завиднымъ. Лишь въ концѣ ноября по обширнѣйшимъ рядамъ и суболотямъ пригородныхъ лѣсныхъ частей стали показываться вновь стада чухарей,—которыхъ можно было бить съ подѣзда изъ винтовки, на разстояніи отъ 150 до 200 шаговъ. При массовыхъ перелетахъ птицы, на сѣверѣ нередки случаи, когда типично лѣсная птица, какъ тетеревъ, глухарь, рябчикъ и бѣлая куропатка залетаетъ въ деревни, садится на поля и даже строенія. *).

*) Отъ автора. Въ 60-хъ годахъ въ Устьсысольскомъ уѣздѣ происходили огромные лѣсные пожары.

Но зато въ другіе года можно бродить днями по лучшимъ мѣстамъ и угодьямъ и остаться безъ единого выстрѣла. Періодическія странствованія бѣлки находятъ, по всей вѣроятности, въ зависимости отъ сѣменныхъ годовъ ели, сосны и сибирскаго кедра. Вотъ что пишетъ по поводу странствованія дичи и звѣря Л. Рума:

«Бѣлки, олени, рябчики далеко не каждый годъ встрѣчаются въ изобиліи: періодически они то откочевываютъ куда-то, то вновь появляются въ предѣлахъ охотничьей территоріи даннаго района. Крестьяне дер. Курьядорской говорили, напр., что лѣтъ 40 тому назадъ сѣверный олень куда-то откочевалъ и на сотни верстъ отъ деревни нельзя было его встрѣтить; но лѣтъ 15—20 тому назадъ, олени опять стали появляться въ Вычегодскомъ Краѣ и каждый годъ все большими стадами. *). Чѣмъ обуславливается кочеваніе оленя, выяснитъ намъ не удалось; періодическія же появленія и исчезновенія бѣлки и рябчика находятъ, повидимому, въ тѣсной зависимости отъ обилія или недостатка корма *). Кромѣ рябчика, бѣлки, тетеревей, глухарей и куропатонокъ промышленники сѣвера бьютъ куницъ, выдръ, норокъ, горностаевъ, рысей, росомахъ, медвѣдей, оленей и лосей. Лѣтомъ, въ періодъ линьки, а также во время осеннихъ и весеннихъ пролетовъ въ озерныхъ областяхъ добывается не малое количество дикаго гуся и лебедя, въ большомъ количествѣ плодящагося по ламбинамъ (озеркамъ) Карелии, по лѣснымъ рѣчкамъ сѣверо-восточной тайги и безбрежнымъ «уйтамъ» сѣверной части Архангельской губерніи.

Во всѣхъ этихъ охотахъ промышленники сѣвера проявляютъ огромное знаніе мѣстности, большую энергію и выносливость; при всѣхъ этихъ положительныхъ качествахъ, они, однако, варварски истребляютъ дичь, не считаясь съ будущей судьбой своихъ охотничьихъ угодій. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ уничтожается не только приплодъ, но выбираются сплошь даже яйца изъ гнѣздъ и жертвою ненасытной алчности падаетъ и сама птица, сидящая на нихъ **).

Несомнѣнно, что ружейная охота въ лѣсахъ Архангельской и Вологодской губерній представляетъ для любителя большой интересъ, какъ по своему разнообразію, такъ и по тому большому масштабу,

*) Л. Рума. Итоги экономического изслѣдованія крестьянскаго населенія Устьсысольскаго уѣзда, т. I, стр. 159. Пермь. 1903 г.

**) На оз. «Донты» Керчемской волости, Устьсысольскаго уѣзда, ежегодно выбирается до 800 штукъ утиныхъ яицъ.

которымъ она измѣряется. Говоря такъ, я прежде всего имѣю въ виду территорію охотничьихъ угодій, буквально ничѣмъ не ограничиваемую и, наконецъ, добычливость нѣкоторыхъ видовъ охоты. Вмѣстѣ съ тѣмъ охотничьи экскурсіи на сѣверѣ сопряжены съ большими неудобствами, съ лишеніями разнаго рода, съ ночевками подъ открытымъ небомъ—у костра или поды; охотнику приходится преодолевать иногда большія разстоянія, переправляться черезъ рѣки и озера, дѣлать трудные переходы по моховымъ болотамъ, по зыбкимъ кочкамъ мокрыхъ согръ, по безконечнымъ суболотямъ и еловымъ ровнидямъ, имѣя за спиною солидную ношу въ 30—40 фунтовъ, не считая ружья и патроновъ. Но всѣ эти лишенія сторицею искупаются тѣмъ наслажденіемъ, которое представляетъ для истиннаго любителя природы долговременное пребываніе въ лѣсу, въ своеобразной примитивной обстановкѣ ючевника, свободнаго отъ суеты и условности нашей обыденной жизни. Прянный и крѣпкій воздухъ сѣвера, вѣчное разнообразіе тоновъ, красокъ и настроеній на долгое время обновляютъ и укрѣпляютъ душу охотника. Что можетъ быть сравнимо съ прелестью весеннихъ ночевокъ въ лѣсу, въ ожиданіи глухариныхъ токовъ, когда за потухающей зарей слѣдуютъ блѣдныя сумерки кратковременной сѣверной ночи, смѣняемыя нѣжными, пастельно-розовыми тонами разсвѣта. Оживаетъ лѣсъ послѣ бодрящаго сна и, навстрѣчу прохладной зарѣ, съ ближайшей рады несетъ непрерывный хохотъ и гортанныя трели бѣлой куропатки, уже надѣвшей свой первый весенній нарядъ. Задорному крику самцовъ вторить болѣе нѣжное и протяжное «княуканье» самокъ, избѣгающихъ въ своемъ бѣломъ нарядѣ предательскихъ черныхъ прогалинь и кочекъ. Разгоряченные страстью самцы забываютъ нерѣдко эту предосторожность и бѣжатъ, вытянувъ шею и распустивъ хвостъ, на «манъ» охотника, подражающаго самкѣ. Нѣкоторые промышленники сѣвера мастерски подманиваютъ куропатей, и я помню цѣлый рядъ случаевъ, когда наиболѣе ярые самцы, съ оглушающимъ трескомъ полета и крикомъ «кавау», «кавау», падали на землю въ непосредственной близости отъ меня. Въ такіе моменты стрѣлять птицу уже не приходится, ее, пожалуй, легче схватить рукою или накрыть шапкой. На сѣверѣ самца куропатку стрѣляютъ весною на маюкъ на вечернихъ и утреннихъ зоряхъ. Иногда эта охота бываетъ весьма удачною, такъ какъ птицы этой много и она утрачиваетъ свою обычную осторожность.

Лично меня, однако, выстрѣлъ по куропаткѣ не интересуетъ, онъ чрезвычайно легокъ и требуетъ отъ охотника только зоркихъ глазъ и быстрой вскидки ружья. Зоркость глаза необходима, такъ какъ

стрѣлять приходится при неясномъ освѣщеніи поздняго вечера, или очень ранняго утра. Въ серединѣ апрѣля токованье курошпей достигаетъ на сѣверѣ своего апогея. Во время бѣлыхъ ночей птица почти не знаетъ покоя и нерѣдко нарушаетъ чуткій сонъ охотника, вплоть подлетая къ его еще не потушеному костру. Легкій предразсвѣтный морозъ—утренникъ и беспорядочно-дикій крикъ журавлей на соседнемъ болотѣ, напоминаютъ намъ о цѣли экскурсіи. Прошла полночь; вотъ-вотъ начнется столь желанный отдаленно-неясный шумъ глухаринаго тока. Нѣсколько смоляныхъ чурокъ, подброшенныхъ на еще тлѣющіе угли, заставляютъ ярко вспыхивать потрескивающее пламя костра. Весело закипаетъ чайникъ, подвѣшенный на мотырѣ *), быстро кончается короткая трапеза, и охотникъ, осмотрѣвши предварительно винтовку малопульку, легкими шагами осторожно пробирается къ токовищу, высмотрѣнному и проверенному съ вечера.

На нашемъ сѣверѣ глухари слетаются на токовища около 7 часовъ вечера. Внимательному охотнику, знакомому съ привычками и образомъ жизни этой птицы, не трудно опредѣлить мѣстонахождение токовъ. Чаще всего послѣдніе происходятъ на сосновыхъ радахъ и рѣдкостойныхъ субболотяхъ, окруженныхъ боровыми грядами съ болѣе высокими и густымъ сосновымъ лѣсомъ. Обыкновенно глухари токують на низкихъ соснахъ съ куполовидными кронами, причемъ садятся въ самую крону, что, понятно, сильно осложняетъ стрѣльбу.

Впрочемъ, мнѣ извѣстны случаи, когда глухари играютъ и на сухихъ мѣстахъ, на боровинахъ, причемъ избираютъ для любовной пѣсни болѣе высокія деревья и садятся прямо на вершину его, или на толстый вытянутый сукъ. Мѣстопребываніе глухаря на весеннихъ токахъ обозначается обильнымъ пометомъ, кучи котораго на старыхъ—вѣковѣчныхъ токовищахъ, гдѣ птицъ не пугали, достигаютъ высоты до 12 верш. и болѣе. Время начала токовъ для сѣвера опредѣлить точно нельзя, надо думать, что глухарь начинаетъ токовать уже послѣ Благовѣщенія или съ первыхъ чиселъ апрѣля.

При этомъ можно установить два періода токовъ: ранній и болѣе кратковременный—собственно слетъ самцовъ и поздній—болѣе продолжительный, происходящій уже на опредѣленныхъ мѣстахъ. Между этими періодами бываетъ промежутокъ, когда глухари почти совсѣмъ не токують; этотъ промежутокъ совпадаетъ съ началомъ вскрытія рѣкъ, когда талыя воды, за отсутствіемъ стока, превращаютъ сѣверныя рады и моховики въ сплошныя непроходимыя озера.

*) Мотырѣ—деревянный шестъ, наклонно втыкаемый въ землю надъ костромъ.

Послѣ вскрытія рѣкъ снѣговая вода быстро сбѣгаетъ веселыми ручьями и бурными потоками. По болотамъ показываются черныя проталины, снѣжный покровъ въ лѣсу становится рыхлымъ и менѣе глубокимъ, возвышенныя мѣста рѣзко выдѣляются на грязно-бѣломъ фонѣ источеннаго стараго снѣга, покрытаго сучьями, вѣтками, листовою и прочими продуктами отпада обновляющагося и молодѣющаго лѣса. Это время нужно признать наиболѣе благопріятнымъ для охоты на токахъ. Въ эту пору, около двадцатыхъ чиселъ апрѣля, наступаетъ второй періодъ токованія глухаря, въ которомъ принимаютъ уже активное участіе самки, изъ-за обладанія которыми между самцами ведутся ожесточеннѣйшіе бои, происходящіе обыкновенно на землѣ.

Въ лѣсахъ нашего сѣвера бывають токовища, гдѣ глухарей собирается чуть не до 50—80 штукъ. При такомъ обилии этой крупной и сильной птицы шумъ и лопотанье тока слышны на порядочное разстояніе—до полуверсты и даже болѣе. Все токовище бываетъ изрыто тропами и слѣдами, по которымъ ходили или бѣгали, бороздя снѣгъ крыльями, глухари; подъ отдѣльными деревьями набросаны отщипанные ими побѣги сосны, кучки помета, а нерѣдко и перья, выдранныя изъ шеи побѣжденныхъ соперниковъ.

Большіе тока мнѣ приходилось посѣщать въ Велико-Устюжскомъ, Никольскомъ и Яренскомъ уѣздахъ Вологодской губ., въ Ненокскомъ, Войскомъ, Архангельскомъ и др. лѣсничествахъ Архангельской губерніи. Мѣстное населеніе обыкновенно не знакомо съ подходомъ къ токующему глухарю подъ лѣсню. Сѣверный промышленникъ не считается ни съ ударами, ни со щелканіемъ, ни съ трелью, ни со скирканіемъ глухаря, онъ идетъ прямо на токъ и бьетъ облюбованную имъ птицу изъ винтовки на значительное разстояніе, пользуясь, конечно, тѣмъ, что птица не пугана и что ея много. Не удалось подойти къ одной, есть всегда возможность скрасть другую. Вѣдь зоркость глаза, умѣнье высмотрѣть добычу, терпѣніе и мастерство подхода—на его сторонѣ.

Самоѣды, обыкновенно, охотятся на токахъ вдвоемъ, причѣмъ одинъ охотникъ идетъ по периферіи токовища, а другой находится въ центрѣ его. Поднятые на окраинѣ тока чухари перемишляются съ громкимъ лопотаніемъ ближе къ серединѣ, а тамъ, на разстояніи 150—200 шаговъ, ихъ снимаетъ не знающая промаха берданка самоѣда.

Но такой способъ охоты все же не такъ интересенъ, какъ классическій подходъ подъ лѣсню, когда, слышавъ съ разстоянія до

200 шаговъ деревянное, мѣрное, все учащающееся и переходящее въ дробь и трель, щелканье, охотникъ замираетъ на мѣстѣ до начала скирканья, заставляющаго его бросаться впередъ въ два или три прыжка, чтобы снова замереть, слушать и ждать отрывистыхъ перебоевъ и ударовъ перваго колѣна своеобразной пѣсни. Какъ извѣстно, во время скирканья чухарь до такой степени увлекается, что не слышитъ шума шаговъ приближающагося охотника. Вѣрнѣе, впрочемъ, было бы сказать, что глухарь не замѣчаетъ этого шума, потому что зрѣніе и слухъ его нѣсколько не ослабляются во время тока, какъ совершенно вѣрно подмѣтили такіе знатоки глухаринныхъ токовъ, какъ Бремъ, Лоренцъ и Дмитріевъ.

По моему мнѣнію, въ самый разгаръ тока глухарь впадаетъ въ трансъ или экстазъ, заставляющій его прямо-таки забываться и пренебрегать всякою опасностью. Это подтверждается цѣлымъ рядомъ отзывовъ охотниковъ, которые передаютъ, что, если стрѣлять глухаря во время скирканья, т. е. въ пѣсню, то онъ не слетаетъ даже при промахѣ и выдерживаетъ цѣлую канонаду изъ 3—4 выстрѣловъ. Что зрѣніе и слухъ глухаря необычайно остры даже во время пѣсни, видно изъ того, что онъ моментально обрываетъ ее, заслышавъ въохтанье своей возлюбленной, громкое хлопанье крыльевъ подлетающаго противника или же замѣтивъ неосторожное передвиженіе стрѣлка. Такихъ случаевъ бывало на моей памяти масса и поэтому я утверждаю, что подходъ къ глухарю не такъ уже простъ, какъ обыкновенно думаютъ. Въ особенности же труденъ онъ въ рѣдкостойныхъ лѣсахъ сѣвера во время бѣлыхъ ночей, являющихся надежнымъ союзникомъ царственной птицы нашихъ хвойныхъ лѣсовъ.

Именно, на сѣверѣ подходъ къ токовику чухарю необычайно труденъ. Болотистыя пространства, зыбкія кочки, масса валежа и предательскій хрустъ разбросанныхъ повсемѣстно сучьевъ крайне усложняютъ подходъ, который при всѣхъ этихъ условіяхъ продолжается до сорока минутъ и даже болѣе. Если допустить, что вы слышали пѣсню глухаря за 200 шаговъ и пробѣгаете это разстояніе въ три четверти часа, скорость вашего подхода равна всего 4—5 шагамъ въ минуту. Но сколько разъ бываетъ, что пѣсня глухаря обрывается, что птица, въ особенности старая и опытная, внезапно бросаетъ пѣть, моментально настораживается, вытягиваетъ шею, и неопытному, обманутому охотнику приходится услышать вмѣсто желанной трели тяжелое хлопанье крыла, перелетающей вглубь тока, птицы. На большихъ глухаринныхъ токахъ нашего сѣвера, обиліе птицъ также затрудняетъ подходъ, ибо глухаря—годовика совер-

шенно не играютъ, а сидятъ молча, нахохлившись или слегка поскрипывая на верхушкахъ сосенъ; они прекрасно видятъ перебѣжки охотника, не выдерживаютъ ихъ, срываются съ дерева и пугаютъ такимъ образомъ, расхолодившихся старыхъ итруновъ. Тоже самое относится и къ глухаркамъ, громкое квоктанье которыхъ мѣшаетъ охотнику вслушиваться въ пѣсню ближайшаго чухаря.

При всемъ томъ все же нерѣдки случаи, когда удается подойти къ токующему глухарю на 15—20 шаговъ. Стоя за деревомъ, внимательно слѣдишь за его движеніями и долго любуешься всей повадкой этой птицы, являющейся дѣйствительно украшеніемъ нашего лѣса. Несмотря на неоднократные опыты, мнѣ до сихъ поръ, однако, не удалось заполучить ни одного удовлетворительнаго снимка съ токующаго глухаря, хотя я вполне убѣжденъ, что сдѣлать это возможно, такъ какъ игра птицъ въ иное ясное и немного морозное утро продолжается до восхода солнца и даже тогда, отбивши послѣднюю трель, глухарь не улетаетъ, а долго еще сидитъ въ позѣ изваянія на вершинѣ облюбованнаго дерева, рѣзко выдѣляясь мощнымъ и грузнымъ профилемъ на розовомъ фонѣ неба.

Стрѣлять глухаря, по моему мнѣнію, слѣдуетъ пулей изъ винтовки, въ особенности на сѣверѣ, гдѣ условія освѣщенія вполне благоприятствуютъ прицѣлу. Пуля почти не даетъ подранковъ, портящихъ эту прекрасную дичь. Для стрѣльбы глухаря скрадомъ послѣ тока, т. е. отъ 4 до 6 часовъ утра на дальнія разстоянія, въ 150—200 шаговъ и далѣе, необходимо имѣть достаточно настильно и рѣзко бьющую пулю; такимъ условіямъ удовлетворяютъ изъ малокалиберныхъ винтовокъ наша военная трехлинейка и всякое нарѣзное оружіе подъ прекрасные патроны Винчестера 25—35, 32—40, или подъ нѣмецкіе, калибромъ въ 6,6 миллиметра, при длинѣ гильзъ въ 70 миллиметровъ. Шестимиллиметровыя легкія винтовки типа la Francotte la Française, la Sibérienne, всякіе Стивенсы и Баярды, подъ патронъ бокового огня 22-го калибра, совершенно недостаточны для того, чтобы моментально снять токовика въ 12—15 фунтовъ. Ихъ начальная скорость въ 300 метро-секундъ, при живой силѣ удара въ 18 метро-килограммъ, съ ничтожною продольною нагрузкою пульки и чувствительностью ея къ вѣтру, могутъ только портишь птицу, и лишь въ рѣдкихъ случаяхъ попаданія по мѣсту валять ее. Довольно примѣнными являются для охоты на глухарей винтовки и нарѣзные стволы трехстволокъ подъ патронъ Винчестера 25—20, но лишь при условіи употребленія свинцовыхъ, отнюдь не облицованныхъ пуль. Послѣднія, пробивая тушку глухаря навывлетъ, не производя малое

пораненіе, не убиваютъ его на мѣстѣ. Съ такой раной сильная птица въ состояніи улетѣть на большое разстояніе, долгое время болѣетъ и умираетъ или же въ концѣ концовъ дѣлается жертвой хищниковъ. Въ 1913 году со мной былъ случай, когда тетеревъ косачъ, т. е. птица гораздо болѣе слабая, прострѣленная облицованною пулею калибромъ 25—30, вѣсомъ въ 86 грановъ, т. е. 1,4 золотника по простествію $\frac{1}{4}$ часа начала вновь токовать, сидя на мѣстѣ. Вторая пуля, пронизавшая птицу, заставила ее опуститься, и лишь третья пуля, уже свинцовая, убила ее. Вообще, на сѣверѣ, гдѣ приходится имѣть дѣло съ крупной и сторожкой птицей, гдѣ сохранились еще старые и крѣпкіе экземпляры глухаря, лебедя, гуся и гагары (*Columbus arcticus* и *C. septentrionalis*), гдѣ нерѣдко приходится стрѣлять по крупнымъ хищникамъ, вродѣ беркута и орлана-бѣлохвоста, гдѣ, наконецъ, не исключена встрѣча съ медвѣдемъ, охотнику любителю слѣдуетъ имѣть тяжелый тройникъ, снабженный надежнымъ, вѣрно бьющимъ нарѣзнымъ стволомъ, калибромъ, не менѣе 7 миллиметровъ.

Не менѣе интересны на сѣверѣ тетеревиные тока, почти совпадающіе съ началомъ токовъ глухариныхъ. Они, впрочемъ, въ достаточной мѣрѣ извѣстны охотникамъ центральной Россіи, поэтому я ограничусь при описаніи ихъ лишь нѣсколькими словами. На сѣверѣ токовища косачей до вскрытія рѣкъ обыкновенно происходятъ на льду небольшихъ лѣсныхъ озеръ или на открытыхъ моховыхъ болотахъ съ единичною корявою сосною, на уйтахъ, нюрахъ, мшарицахъ и т. под. типахъ лѣсныхъ сообществъ. Послѣ вскрытія рѣкъ, косачи собираются или на моховыхъ болотахъ, или же на суходолахъ и гаряхъ прилегающихъ къ нимъ боровъ. Непремѣнное условіе тетеревиного тока это—открытое и обширное мѣсто, гарантирующее птицѣ безопасность отъ внезапнаго нападенія или засады. Маленькіе точки въ 10—15 косачей-игруновъ происходятъ, впрочемъ, и на лѣсныхъ опушкахъ, на небольшихъ полянахъ, на обочинахъ мало посѣщаемыхъ лѣсныхъ дорогъ (Озерское и Войское Л-во), на катицахъ пилочного лѣса, у береговъ лѣсныхъ рѣчекъ (Вычегодское Л-во р. Пруть) и т. д. Въ нѣкоторые годы, при благоприятной веснѣ на токахъ собираются огромныя партіи косачей. Въ 1913 году мнѣ пришлось побывать на одномъ изъ такихъ богатыхъ токовъ, гдѣ я насчиталъ свыше шестидесяти штукъ токующихъ самцовъ.

Нечего и говорить, что впечатлѣніе отъ такого тока получается грандіозное, въ особенности, попасть на вечерній токъ, происходящій послѣ 6 часовъ вечера, т. е. задолго до захода солнца при пол-

номъ освѣщеніи. Вся жизнь тока, всѣ фазы его, начиная отъ прилета отдѣльныхъ токовиговъ—вожаковъ-распорядителей игрища до разгара боевъ между отдѣльными чемпионами и цѣлыми группами косачей, наконецъ, вылетъ самокъ, еще болѣе возбуждающихъ энергію бойцовъ—эта картина—очаровательная и неподдающаяся никакому описанію,—развертывается передъ глазами сидящаго въ шалапѣ охотника, забывающаго въ морѣ звуковъ: бормотанія, шипѣнія и чуддыканья о томъ, что настала пора выстрѣлить въ красноброваго чернаго красавца.

Сколько разъ приходилось досиживать до конца тока, до отлета въ лѣсъ послѣднихъ игруновъ съ ихъ пестрыми подругами, не произведя ни единаго выстрѣла. Сколько разъ приходилось вмѣсто тетерева стрѣлять въ его злѣйшаго врага ястреба тетеревятника, весьма охотно посящающаго токовища и производящаго панику среди черныхъ рыцарей лѣсовъ. Сколько разъ приходилось замирать въ недвижимой позѣ въ моментъ, когда косачъ или маракушка, въ поискахъ за болѣе возвышеннымъ мѣстомъ, внезапно усаживались на моемъ шалапѣ. Всѣ эти картины и воспоминанія мое перо передать рѣшительно не въ состояніи. Тѣмъ болѣе не берусь я описывать всю волшебную прелесть лѣса, воздуха, аромата надвигающейся ночи, тоновъ и красокъ неба, освѣщаемаго безконечной красотой быстро смѣняющихся зорей. Коротки, къ сожалѣнію, весеннія охоты на нашемъ сѣверѣ. Если не считать раннихъ охотъ на гусей во время ихъ прилета, происходящаго около 5 апрѣля, охота весной продолжается максимумъ 3—4 недѣли. Вся охота сводится къ охотѣ на токахъ. Тяги вальдшнеповъ у насъ почти не бываетъ, или она наступаетъ поздно, происходитъ въ далеко не поэтической обстановкѣ уже проходящей весны, когда береза уже вполне одѣлась листвою и бичъ сѣвера—комаръ—отравляетъ всякое пребываніе въ лѣсу.

Лѣтняя охота въ лѣсахъ сѣвера не интересна. Гнѣздовой періодъ наступаетъ поздно, и благодаря этому, птенцы вылупляются лишь въ первыхъ числахъ іюня. Такъ, напр., въ 1908 году въ Вычегодскомъ краѣ первые молодые глухарята были встрѣчены мною 10 іюня (они были величиною съ воробья). Конечно, годъ на годъ не приходится, но все же на сѣверѣ молодая дичь появляется поздно и поднимается на крыло никакъ не раньше 15—20 іюля.

Въ 1914 году въ Кандалакшскомъ Л-вѣ къ 5 іюля молодые рябчики были величиною съ синицу, бѣлыя куропатки еле перепархивали, а глухарята были немного болѣе дрозда.

Въ 1913 году 18 іюля въ Панозерскомъ Л-вѣ, на р. Кеми мной

былъ найденъ выводокъ куропатокъ, который, хотя и былъ на взлетѣ, но птица была еще настолько мала, что стрѣлять по ней я отказался. Въ томъ же году къ 15 іюля на рѣкѣ Кеми молодыя утки, за исключеніемъ чирковъ, еще не летали. Гуси находятся въ линькѣ до Ильина дня и лишь послѣ 20 іюля перекочевываютъ съ глухихъ озеръ и лѣсныхъ рѣчекъ въ сосновыя рады и еловыя ровняди на морошку, поснѣживающую въ предѣлахъ Архангельской губерніи около 20—25 іюня.

Въ первую половину іюля мѣстные охотники ходятъ, главнымъ образомъ, за утками и гусями, причемъ добыча ихъ состоитъ исключительно изъ неоперившихся птицъ, захватываемыхъ, по большей части, собаками. Въ 1914 году охотники с. Логоварака, находящагося въ Карелии въ Кемскомъ уѣздѣ, выловили при помощи собакъ около 50 паръ молодого нелетнаго гуся. Лишь 24 іюля молодые гуси стали летать и были уже настолько напуганы, что мнѣ съ большимъ трудомъ удалось убить одну пару этой интересной дичи.

Строго говоря, охота по выводкамъ на сѣверѣ можетъ быть разрѣшена лишь послѣ Ильина дня, такъ какъ только къ этому сроку молодая дичь приобретаетъ вѣсъ и видъ и дѣлается годной къ употребленію. Кряковыя утки, чирки, бѣлыя куропатки, тетерева и глухари поднимаются на крыло около Ильина дня; гоголи разныхъ видовъ, лебеди и лутки (*Mergus albellus*) начинаютъ летать около перваго августа, крохали гагары, наюонецъ, подлетываютъ лишь къ 15 августа.

Биологической особенностью сѣверной орнитофауны является необыкновенная тайность ея. До первыхъ чиселъ августа выводковъ въ лѣсахъ почти не встрѣчаешь. Бывали случаи, когда чины таксационныхъ партій не встрѣчали дичи въ теченіе всего іюня и первой половины іюля. Общее мнѣніе готово было признать, что дичи въ данномъ Л-вѣ совершенно нѣтъ и ожидать ея нечего. Съемщики и таксаторы, приготавлиаясь къ новому выходу въ лѣсъ, запасались поэтому сухарями, крупой, сушеной рыбой, саломъ и грудинкой, а въ лѣсу иногда разнообразили свой столъ свѣжей рыбой, вылавливаемой на удочку *). Въ этомъ отношеніи на сѣверѣ недостатка почти не было, такъ какъ въ рѣкахъ, рѣчкахъ и озерахъ нашихъ лѣсовъ рыбы и до сихъ поръ еще много.

Однако, къ началу августа дичь постепенно выходитъ изъ глу-

*) На удочку ловились, главнымъ образомъ, окунь, хариусъ (*Thymallus vulgaris*), неркасъ, кумжа, куя (изъ *Salmonidae*) и, наконецъ, щука,—последняя чаще всего на дорожку-блесну.

хихъ сюземовъ, изъ нѣдръ тайги, изъ мокрыхъ, малодоступныхъ еловыхъ сотръ, изъ березовыхъ, заросшихъ травами, полуболотныхъ сообществъ и пробирается на боровыя мѣста, откармливаясь на нихъ ягодою. Побывавшая на ягодахъ, молодая дичь быстро становится неузнаваемой: она сразу тяжелѣетъ, приобрѣтаетъ красивое плотное перо, и съ энергичнымъ характернымъ трескомъ крыльевъ, вылетаетъ изъ-подъ стойки лягаша. Лучшее время для охоты съ лягавою собакою на сѣверѣ я считаю августъ и начало сентября. Послѣ 10-го сентября уже настаютъ первые заморозки и начинается отлетъ бекаса, дупеля и гаршнепа, за которыми пускаются въ далкій путь гуси,, утки и лебеди. Охота съ лягавою собакою на сѣверѣ слишкомъ кратковременна и вѣрнымъ друзьямъ нашихъ Немвродовъ приходится поэтому проводить въ бездѣльѣ и свукѣ чуть не 10 мѣсяцевъ въ году.

Изъ тому же большинство лягашей, а пойнтѣра все безъ исключенія, мало примѣнны для охоты въ нашихъ угодьяхъ. Они слишкомъ нѣжны для этихъ широтъ, слишкомъ боятся простуды, комаровъ, оводовъ и проч. гнуса и, наконецъ, съ трудомъ переносятъ большіе переходы по лѣсамъ, гдѣ пибкія, упругія вѣтви полукустарниковъ: карликовой березы, багульника, подбѣла и др. растеній изрѣзываютъ въ кровь ихъ мало защищенную кожу. Наиболѣе примѣнными для сѣвера подружейными собаками я поэтому считаю сеттеровъ вообще, а въ частности шотландскихъ гордоновъ и нѣмецкихъ гриффоновъ. На сѣверѣ охотнику дѣйствительно необходима лайка, а любителю охоты съ лягавой наши охоты будутъ казаться малоинтересными. Правда, бывають годы, когда по безконечнымъ пожнямъ и покосамъ сѣверныхъ рѣкъ, по сырѣмъ поскотинамъ, лывамъ и старяцамъ появляется огромное количество дупелей и бекасовъ, но это отнюдь не является правиломъ для сѣвера, гдѣ главной охотой все же будетъ лѣсная.

Въ концѣ августа и въ первыхъ числахъ сентября происходятъ первыя перемѣщенія гусей. Гуси выбираютъ изъ лѣсовъ и, соединяясь въ табуны и косяки, вылетаютъ на отмели и косы большихъ рѣкъ. Здѣсь ихъ можно стрѣлять на утреннихъ зоряхъ съ подседа. Для этой цѣли охотники обыкновенно вырываютъ ямы, на облюбованномъ мѣстѣ, на открытыхъ берегахъ рѣкъ, поросшихъ чахлымъ бѣлокочитникомъ (*Petasites tomentosus*) и садятся въ нихъ съ 4 часовъ утра, терпѣливо поджидая того момента, когда уже издали станетъ доноситься характерное двусложное гоготанье гуся—гуменника. Плавнымъ планирующимъ спускомъ весь косякъ опускается на песчанную, покрытую влажнымъ иломъ, яосу и тотчасъ приступаетъ

къ утренней трапезѣ, за исключеніемъ дозорныхъ, неподвижно стоящихъ на мѣстѣ и неустанно оберегающихъ безопасность мирно пасущихся товарищей. Послѣ заката солнца, гусей можно стрѣлять на глухихъ лѣсныхъ озерахъ, куда они слетаются на ночлегъ. Въ По-морьѣ прилетъ гусей на морское побережье связанъ съ часами отлива. Когда вода начинаетъ спадать, гуси съ громкимъ гоготаньемъ вылетаютъ на мокрѣя илѣстыя лѣвы и лайды морскихъ заливовъ, подбирая оставленныя моремъ ракушки, моллюски и обшпыливая смоченныя соленосоною водою стебли каулерпы. Послѣ отлета утокъ и гусей для охотника любителя наступаетъ временный перерывъ до выпада снѣга и наступленія морозовъ. Въ это время, приходящееся ко второй половинѣ ноября, большой интересъ представляетъ собою охота на глухарей и тетеревей съ подѣзда. Въ морозные дни глухари сидятъ цѣлый день на заиндевѣльныхъ кронахъ низкорослыхъ сосенъ, по радамъ и суболотямъ, пощипывая хвою. Темные силуэты крупныхъ птицъ далеко видны на снѣжно-бѣломъ запушенномъ фонѣ рѣдкостойнаго лѣса. Строгая въ обычное время птица подпускаетъ лошадь на разстояніе 150—200 шаговъ и охотникъ имѣетъ полную возможность выпустить въ ближайшаго обшдѣвшагося чухаря нѣсколько пуль. Выстрѣлъ по сидящему глухарю довольно труденъ, такъ какъ стрѣлять приходится сидя въ саняхъ, въ теплой одежѣ и притомъ не всякая лошадь способна смирно выносить трескъ винтовочныхъ выстрѣловъ.

Удача охоты съ подѣзда зависитъ главнымъ образомъ, отъ погоды и отъ умѣнья точно опредѣлить мѣстопробываніе глухарей, собирающихся нерѣдко большими стадами отдѣльно отъ глухарокъ, предпочитающихъ держаться въ это время въ болѣе пустыхъ насажденіяхъ боровыхъ и суборовыхъ пространствахъ.

Тетеревъ косачъ держится въ березнякахъ временнаго характера, въ лиственничныхъ борахъ и, наконецъ, въ логахъ, окаймляющихъ большинство рѣкъ и рѣчекъ сѣвера. Тетеревъ подпускаетъ лошадь обыкновенно нѣсколько ближе, чѣмъ глухарь.

Бывали случаи, когда мнѣ удавалось подѣхать къ косачамъ на 80—100 шаговъ, т. е. на разстояніе, достаточное для безусловно точнаго выстрѣла изъ винтовки. При желаніи имѣть особенно удачную охоту, я рекомендую не слѣзать съ саней до конца стрѣльбы и не подбирать убитую птицу. Нерѣдко бываетъ, что нѣсколько глухарей или тетеревей сидятъ на одномъ деревѣ; въ такіе моменты рекомендуется стрѣлять сначала въ наиболее низко сидящихъ птицъ; паденіе убитой птицы нисколько не смущаетъ болѣе высоко забрав-

нихся товарищей, продолжающихъ спокойно сидѣть въ ожиданіи дальнѣйшей стрѣльбы.

Звѣровая охота въ лѣсахъ сѣвера сильно упала вслѣдствіе непомѣрнаго и повсемѣстнаго уничтоженія промышленниками лосей и оленей. Тѣхъ и другихъ охотники стрѣляютъ весною, преимущественно въ мартѣ, когда глубокій снѣжный покровъ покрывается плотнымъ оледенѣлымъ настомъ, по которому легко и безшумно скользятъ, подбитые оленьимъ мѣхомъ, самоѣдскія лыжи. Пользуясь лыжами и совершая на нихъ огромные переходы, артель охотниковъ гонитъ выснѣженное стадо лосей и оленей до тѣхъ поръ, пока измученныя животныя, сбившись въ дымящійся клубокъ не подпустятъ своихъ мучителей на вѣрный выстрѣлъ.

Не знаю, насколько правдоподобны рассказы нѣкоторыхъ старожиловъ сѣвера—лѣсничаго Р. и земскаго дѣятеля Т., передававшихъ мнѣ, что нерѣдко зыряне, разгоряченные преслѣдованіемъ звѣря, вплотную подбѣгали къ загнанному стаду оленей и клали ихъ на мѣсть ударами ножа. Возможно, что эти рассказы и не вполне достоверны, но все же я утверждаю, что на сѣверѣ во время весеннихъ охотъ убивается масса лосей и оленей. Въ 1910 году, напр., въ Сысольскомъ Лѣвѣ Вологодской губерніи нѣсколько промышленниковъ въ теченіе 3—4 дней перебили 27 штукъ тѣхъ и другихъ, причемъ жертвою ихъ удали были, конечно, и стельныя самки. Одинъ изъ знакомыхъ мнѣ самоѣдовъ передавалъ, что ему случается убивать каждую весну отъ 15 до 18 лосей. Такіе порядки, естественно, ведутъ къ полному исчезновенію звѣря въ нашихъ лѣсахъ. Оленей дикарей теперь почти нигдѣ уже не встрѣчаешь, они откочевали въ самыя глухія мѣста Архангельскаго сѣвера, гдѣ ихъ спасаютъ отъ преслѣдованія естественныя преграды—вродѣ необъятныхъ тундръ Мезени, или малодоступныхъ горъ Кольскаго полуострова (Хибины, Моша-и-Чуна-тундры *).

Хищнаго звѣря—медвѣдя, волка, росомахи, рыси, лисицы и песца на сѣверѣ тоже поубавилось. Въ особенности уменьшилось число лисицъ и песцовъ, которыхъ, въ угоду модѣ, истрѣбляютъ самымъ варварскимъ образомъ.

Медвѣжки берлоги уже давно являются у насъ предметомъ спекуляціи и наживы. Найденная самоѣдомъ въ лѣсничествахъ Ар-

*) Въ Кемскомъ и Александровскомъ уѣздахъ «тундрами» называютъ возвышенныя скалистыя безлѣсныя пространства альпійскаго типа, поросшія мохомъ и полукустарниками, по лопарски—«тондури». (Варакками зовутъ такія же пространства, но покрытыя лѣсомъ).

хангельскаго уѣзда берлога съ однимъ звѣремъ стоитъ въ настоящее время отъ 70 до 100 рублей, иричемъ для казны, являющейся фактическимъ и юридическимъ хозяиномъ медвѣжьихъ берлогъ, охота на медвѣдя не приноситъ ни малѣйшей пользы.

Все вышеизложенное невольно рисуетъ довольно грустныя перспективы для будущаго и побуждаетъ къ принятію ряда мѣръ для упорядоченія охотничьяго промысла въ нашихъ лѣсныхъ угодьяхъ. Прежде всего, мнѣ думается, необходимъ законъ объ охотѣ и притомъ не только общій, а мѣстный, основанный на особенностяхъ сѣверной природы и связанный съ экономическимъ и бытовымъ укладомъ жизни нашего сѣвера и съ освященными вѣками взглядами на промыселъ, на дичь и на способы ея добыванія.

Необходимъ строгій контроль надъ дичью, — товаромъ, доставляемымъ на ярмарки и рынки безчисленными скупщиками и торговлею дичи силами, слошцами, ловушками, плахами, пастями и т. д. Необходимо, наконецъ, устройство заказниковъ, въ которыхъ охота была бы запрещена вовсе, заказниковъ, въ которыхъ дичь могла бы размножаться и укрываться отъ лютаго и истояннаго преслѣдованія. Необходимы строгія мѣры по отношенію къ лицамъ, занимающимся говцами, обирающими мѣстныхъ промышленниковъ—охотниковъ т. под. орудіями. вмѣстѣ съ тѣмъ, необходимо самое широкое оповѣщеніе мѣстныхъ жителей о запретѣ подобныхъ способовъ ловли дичи и о несомнѣнной выгодѣ такого запрета для самихъ же промышленниковъ. Вполнѣ своевременнымъ, мнѣ кажется, установленіе для охотниковъ сѣвера извѣстнаго налога на ружья, которыхъ здѣсь имѣется невѣроятно большое количество. Такой quasi охотничій налогъ легко бы сносило довольно зажиточное населеніе сѣвера.

Было бы правильно и юридически достаточно обосновано обязательное приобрѣтеніе билетовъ на право охоты въ томъ или иномъ Л-вѣ. Доходъ отъ продажи такихъ билетовъ могъ бы быть употребленъ на наемъ добавочныхъ сторожей и лѣсниковъ, или на выдачу награды тѣмъ изъ нихъ, которые оказали нѣкоторую пользу дѣлу охраненія и сбереженія дичи,—присутствіе которой служить намъ всѣмъ, любящимъ и знающимъ лѣсъ, необходимымъ оживленіемъ его величавой и вѣчной красоты.

А. Битрихъ.